

ИДЕЯ РАВЕНСТВА ВЕР В СВОБОДОМЫСЛИИ МОСКОВСКОЙ РУСИ

Исаков Алексей Александрович,

Арзамасский филиал Национального исследовательского
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
(г. Арзамас, Россия)

Статья посвящена анализу одной из важнейших составляющих свободомыслия в традиционном обществе – идеи равенства вер – на материале анонимной «Книги, глаголемой логика, сиречь словесница» и «Истины показания вопросившим о новом учении» Зиновия Отенского.

Тезис о широком распространении идеи равенства народов и вер в Московской Руси ввел А.И. Клибанов [4, с. 367–383]. Истоки этой идеи он видел в полемике XIV века, отразившейся в т.н. Трифоновском сборнике, продолжателями считал русских купцов, оставивших сочинения в жанре «Хождения» (непосредственно им проанализированы два таких памятника, принадлежащих Афанасию Никитину и некоему Василию), еретиков (жидовствующих и феодосиан) и Ивана Пересветова. Наиболее убедителен анализ А.И. Клибанова в случае текстов

«Хожений», особенно проведение параллелей мировоззрения А. Никитина с исламом. Мы бы хотели в этой связи несколько разработать два других сюжета, связанных с мировоззрением русских еретиков и их критиков.

В случае с жидовствующими А.И. Клибанов ссылается на пересказ Иосифом Волоцким мысли своих противников о том, что крещение само по себе не может сделать человека верующим, а вера, в свою очередь, может (и должна) зародиться в человеке до крещения [4, с. 370-371]. На наш взгляд, в данном случае речь идет скорее о соотношении морали и религии. Однако среди источников по ереси жидовствующих есть один текст, который развивает тему общности вер абсолютно эксплицитно. Это «Книга, глаголемая логика, сиречь словесница», текст, наиболее вероятно возникший благодаря жидовствующим, но далее распространявшийся самостоятельно.

Мы воспроизведем ключевые формулировки этого текста по рукописи из собрания Андропова РГБ: «А мудрость сию исполни Аристотел, глава всем философом первым и последним, подлуг смыслу мудрецов израилевых, аже по пленении не нашли своих книг, а спустилися на его разум, иже ровен во проческих фундаментах, зане же невозможно есть, абы пророк неполн был в седми мудростех» [1, л. 14 об.]. Иными словами, в рассеянии евреи утратили способность к откровенному познанию истины и вынуждены были прибегнуть к пути, проложенному античной философией. Переводчик и издатель «Книги, глаголемой логика» М. Таубе видит в этом фрагменте лишь рационалистические мотивы, принцип «добывания истины у всякого, кто ее говорит» [5, с. 386-387]. Однако сама формулировка говорит об обратном, и мы предлагаем понимать этот текст в русле мысли Г. Шолема как подмену Бога откровения Богом разума [6, с. 397]. И поэтому в данном случае можно утверждать, что речь идет о надконфессиональности истины.

Это подтверждается и другими фрагментами: «Мудрость божественная, яже есть глава всем седми и ядро их статочное (цель. – А.И.), зане же его живот душа человеческая, а то познает каждая веры человек, иже, который глупый, у бога не может быти. А то подобно, как бы некто рек, иже князю служу, а кто той, ин яз не ведаю. Или хожу в церковь, а где церковь не ведаю. А сия 7 мудростей не подлуг котораго закона, *нижели подлуг человечества, а можетя каждая веры человек кохаты в них* (курсив наш. – А.И.). Как же видим, иже во всех верах суть про то, иже законник подобен скарбнику, а мудрец тому, что добывает» [1, л. 15-15 об.]. Наконец, последний фрагмент текста Маймонида изменен автором «Книги, глаголемой логика» в том же ключе: «Приводы незнания правды четыре: 1) глубины ея кратким разумом; 2) непоряднею разума; 3) ищучи перемогания и господства; 4) любя то, в чем привык» [1, л. 15 об.]. Четвертая причина заблуждения, очевидно, относится к религии, в которой человек воспитывался от рождения. Таким образом, в тексте «Книги, глаголемой логика» недвусмысленно формулируется положение о том, что откровение может быть взято разумом и потому все исторические вероисповедания уступают философии в плане близости к изначальному откровению, высказывается идея о возможности надконфессионального мировоззренческого единства.

Феодосиане не являются преемниками именно такого понимания равенства вер. У нас нет оснований считать, что они использовали «Книгу, глаголемую ло-

гика», и поэтому вслед за А.И. Клибановым мы отталкиваемся от критики феодосианского учения Зиновием Отенским. Зиновий пишет (первым и последним формулируя доказательства бытия бога в истории древнерусской мысли), что если бы религия была человеческой выдумкой, то ни один народ, особенно нецивилизованный, нельзя было бы принудить к отправлению культа. Напротив – все народы, даже самые дикие («гогуличи»), поклоняются богу, пусть даже и ложно понимаемому, пусть даже и ложным образом [3, с. 61]. Зиновий здесь встает на ту точку зрения, что любая религия лучше, чем безбожие, очевидно, не задумываясь об этических выводах из своего тезиса. Отрицание именно такого образа мысли хорошо известно нам по западноевропейскому атеизму и свободомыслию XVII века. Тезис о единстве религии был афористично сформулирован Френсисом Бэконом: «Лучше не иметь никакого представления о боге, чем то, которое его недостойно» [2, с. 389]. Зиновий как раз и передает в чём-то похожую мысль Феодосия: бог не мог быть выношен в таком «кальном месте», как чрево женщины, и рождён через «таковой проход» [3, с. 44-45].

Вполне возможно, что Феодосий утверждал ложность существующих религий, отталкиваясь от факта их многообразия и противоречивости, ведь если истина одна, то и знание о ней должно быть однородным хотя бы в главном, тогда как на практике мы имеем множество взаимоисключающих догматов и культов даже у родственных вероисповеданий. Здесь особенно следует отметить антиринитаризм феодосиан. Острие критики обращалось ими против того догмата, относительно которого как раз и размежевались две основные христианские конфессии. Следовательно, в антиринитаризме Феодосия требование единства и единственности божества сходились воедино. Ни одна религия современной ему Европы не соответствовала этому требованию, и это гипотетически могло дать на выходе отрицание религии вообще, стремление заменить её этическим учением. Оно, конечно, несло бы на себе печать породившей его религии, например, провозгласив Христа совершенным человеком и образцом для подражания, а Святого Духа превратив в «разум духовный», как это и было в учении Феодосия Косого. Интересно, что в таком случае Феодосий навел «на грех» своего обличителя Зиновия Отенского, который невольно был вынужден утверждать, что все религии имеют отношение к истинному богу.

Как видно, тема равенства вер в мировоззрении жидовствующих и феодосиан раскрывается по-разному. Для первых равенство вер связано с единством и превосходством истин разума, которое уже продемонстрировала античная философия в лице Аристотеля. Для вторых та же идея – результат осмысления взаимоотношений между конкретными религиями, многие представления которых кажутся русским вольнодумцам недостойными бога. Если учесть, что и русские путешественники того времени, и Иван Пересветов приходили к той же мысли другими путями (прежде всего, через длительное проживание в иноверческой среде), то следует сказать, что мысль о равенстве народов и вер в Московской Руси выполняла интегративную функцию, объединяя носителей различных вариантов свободомыслия.

Литература

1. НИОР РГБ. Ф. 726. Собрание И.К. Андропова. Рукопись 2 // <http://old.stsl.ru/manuscripts/fond-726/2>
2. Бэкон, Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1978. – 575 с.

3. Истины показание к вопросившим о новом учении. Сочинение инокa Зиновия. – Казань: унив. тип., 1863. – 1006 с.

4. Клибанов, А. И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI в. М-Л.: АН СССР, 1960. 411 с.

5. Таубе, М. Ересь «жидовствующих» и переводы с еврейского в средневековой Руси // История еврейского народа в России. От древности до раннего Нового времени / Под. Ред. А. Кулика. Том 1. – М.: Мосты культуры, 2017. – С. 367-393.

6. Шолем, Г. Основные течения в еврейской мистике. – М.: Мосты культуры, 2004. – 510 с.